

И нацистская Германия, и сталинский СССР во время Второй мировой войны были врагами Латвийской Республики

Вторая мировая война и ее события все еще противоречиво оцениваются в обществе. Хотя после окончания войны прошло уже более 70 лет, страсти в Латвии по-прежнему вспыхивают, особенно весной. Это происходит в период между двух значимых дат, которые акцентируются в контексте Второй мировой войны — 16 марта и 9 мая. В сложных и противоречивых исторических процессах ориентироваться нелегко, поэтому люди к одной из версий интерпретации событий зачастую склоняются больше под влиянием эмоций, нежели рациональных доводов. Существующую ситуацию умело используют также политические круги, способствуя поляризации общества. Заложниками ситуации, к сожалению, все еще остаются те жители Латвии, которые являлись непосредственными участниками исторических событий, например, были вынуждены воевать в армиях двух тоталитарных государств.

Цель этой статьи заключается в том, чтобы проанализировать основные события Второй мировой войны с позиций Латвийской Республики. Латвийская Республика в этой истории является государством, которое в годы Второй мировой войны в результате грубой агрессии утратило не только свою независимость, но и значительную часть своей идентичности. Латвия потеряла людей, в том числе два ярких национальных меньшинства со столетними корнями в Латвии — евреев и балтийских немцев, а также многие материальные и культурные ценности. Развитие событий во время войны и в послевоенный период при сохранении советской оккупации во многих областях оставило очень тяжелые последствия, которые мы ощущаем и в наши дни. В том числе и эмоциональные, в поисках ответов на вопросы, которые по-прежнему остаются неясными.

Международный контекст

Вторая мировая война (1939 — 1945) началась не вдруг; геополитическая напряженность в мире нарастала уже несколько лет до ее начала. В Европе во многих странах правили антидемократические режимы, лидеры которых стремились пересмотреть территориальное устройство, сформировавшееся после Первой мировой войны. В Азии уже велись военные действия, Япония агрессивно расширяла свое прямое и косвенное влияние в Китае.

В Европе в качестве основных стран-ревизионистов выдвинулись нацистская Германия и СССР, которые активно искали возможности для расширения собственных территорий, используя любые средства.

СССР уже некоторое время искал “соратников”, которые признали бы ввод его войск на территории бывшей Российской империи. Западные страны в такие сделки ввязываться не хотели, однако на это охотно согласилась Германия. Третий рейх сам тоже хотел свести счеты с Польшей, которая отказывалась от дискуссии о добровольном возвращении Германии каких-либо территорий. Заключенное СССР и Германией 23 августа 1939 года соглашение (пакт Молотова — Риббентропа) открыло путь для начала военных действий, которые и начались через неделю. 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война.

Выполняя свои данные Польше международные обещания, объявили войну Германии Великобритания и Франция, хотя реальных военных действий против Германии они не начали. Идея о войне в Великобритании и Франции по-прежнему была очень непопулярной, особенно, если речь шла об отправке военнослужащих для решения проблем каких-то других государств. На международной арене умело маневрировал СССР, напавший на Польшу только после того, как туда уже вошла Германия. Таким образом СССР удалось избежать возмущения международного сообщества и продолжать позиционировать себя в качестве нейтрального государства.

Осенью 1939 года СССР выдвинул требования о размещении военных баз в странах Балтии и в Финляндии. Страны Балтии с этим согласились, а Финляндия, в свою очередь, нет, что несколько месяцев спустя вызвало военную агрессию СССР и международные последствия — СССР как агрессор был исключен из Лиги наций.¹ Финляндия мужественно сопротивлялась и, хотя в результате войны потеряла значительную часть территории, свою независимость она отстояла. Для стран Балтии радость от того, что удалось избежать агрессии соседних государств, была весьма недолгой, поскольку в июне 1940 года СССР выдвинул новые ультиматумы и оккупировал Балтийские государства, за короткое время присоединив их к СССР. В Балтийских государствах начался длившийся более полувека период советской оккупации, который на короткое время был прерван оккупацией нацистской Германии.

Территориальные амбиции СССР и Германии разделом Польши и Балтийских государств не ограничились. Когда сферы интересов начали перекрываться,

¹ Лига наций была международной организацией, регулирующей коллективную безопасность, которая в начале 30-х годов XX века объединяла более 50 стран. После осложнения геополитической ситуации в конце 30-х годов она оказалась неспособной как-то повлиять на действия держав. Формально эта организация продолжала существовать до 1946 года. В значительной мере функции и задачи Лиги наций переняла Организация Объединенных Наций (ООН).

короткая дружба вскоре оказалась в тупике. В качестве предварительного условия присоединения в долгосрочной перспективе к так называемым странам “оси” (Германии, Японии и Италии) СССР осенью 1940 года выдвинул слишком большие территориальные претензии в Европе и Азии (Германия была готова согласиться с расширением территории СССР в Азии, присоединив Индию, Персию и другие страны, но была против отдачи СССР Турции и Балканских государств). Внешне продолжая демонстрировать дружественные отношения, оба государства начали интенсивно готовиться к войне друг с другом.

Политика оккупационных режимов СССР и Германии в Латвии — похожа

Политика оккупационных режимов СССР и нацистской Германии в Латвии во многих аспектах была очень похожа. Замена национальной государственной символики советской и германской символикой; замена культа Карлиса Улманиса Адольфом Гитлером и Иосифом Сталиным; введение новой идеологической терминологии; переименование улиц с использованием названий угодных конкретному режиму авторитетов и символов были лишь некоторыми из аспектов, с которыми вскоре столкнулись жители Латвии. Также были характерны репрессии против определенных категорий населения, которые зачастую не оказывали никакого сопротивления, однако тот или иной режим все же считал их враждебными и подлежащими уничтожению. Нацисты главным приоритетом своих репрессий выдвигали расистские аспекты — особенно сильно это проявилось в уничтожении евреев или холокосте, напротив, советский режим был направлен против определенных социальных групп — хозяйственной и политической элиты независимой Латвии. В обоих случаях репрессии затрагивали и членов семьи, в том числе стариков и детей.

Оба режима роднило недоверие к местным жителям. Оба режима на территории Латвии создали специальные структуры, которые контролировали политические и экономические процессы, а также ввезли большое количество различных должностных лиц, чьи полномочия были значительно шире, чем у созданных из местных коллаборационистов органов самоуправления. Отличающимся нюансом было то, что нацисты не скрывали своей верховной власти, в свою очередь, режим СССР всеми силами и во всех аспектах пытался создать впечатление, что решения принимают “местные”. Проводилась специальная кампания рекрутирования проживающих в СССР латышей, отправляя их для занятия ответственных должностей в Латвии. Большое внимание уделялось тому, чтобы фамилия направляемого должностного лица была латышской, а его реальное владение латышским языком и профессиональными навыками имело второстепенное значение. Найти компетентных работников латышского

происхождения в СССР в 1940 году было весьма сложно, поскольку почти все ответственные работники латышской национальности были уничтожены в ходе сталинских репрессий 1937—1938 года. В свою очередь, подчиненные оккупационной власти напрямую структуры обычно оставались в общественном пространстве незамеченными.²

Столь же значительное сходство было также в регулировании экономических процессов в годы Второй мировой войны. Первым и главным условием установления приоритетов народного хозяйства была геополитическая ситуация — военные действия в Европе, что определило существенную переориентацию экономики на удовлетворение потребностей военного комплекса. В Латвии в этом аспекте переломным моментом было 22 июня 1941 года, когда началась война между СССР и нацистской Германией и подчинение народного хозяйства военным нуждам приняло экстремальные формы. К этому также следует отнести целенаправленное разорение инфраструктуры и материальных ценностей, а также эвакуацию человеческих ресурсов при отступлении одной или другой армии.

Важным аспектом оккупации территории было перенятие всех видов материальных ресурсов и инфраструктуры. Вступив летом 1940 года на территорию Латвии, советские оккупационные власти в течение месяца подготовили почву для того, чтобы подготовить для своей военной добычи соответствующую стандартам советской власти законодательную основу. В понимании СССР, это легче всего было осуществить посредством национализации. На следующий день после провозглашения советской власти, 22 июля 1940 года, были приняты декларации об объявлении земли, банков, крупных промышленных, торговых и транспортных предприятий государственной собственностью. Эти решения распространялось и на те предприятия, которые ранее были собственностью государства, — то есть национализировали и собственность Латвийской Республики. В результате практически все, что было в Латвии, было объявлено военной добычей СССР. Также нельзя трактовать иначе конфискацию банковских вкладов, ценных бумаг и хранящихся в банковских сейфах ценностей. Подобным же образом летом 1941 года действовала и немецкая оккупационная власть, объявив латвийские материальные ценности немецким трофеем. Наиболее значительные латвийские предприятия были переданы в непосредственное управление немецких учреждений, которые могли свободно распоряжаться новоприобретенными ценностями.

² Например, Бюро уполномоченного Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) и Совета народных комиссаров СССР (СНК), Бюро уполномоченного Госплана СССР.

Важным элементом для оккупационных властей при перенятии и разграблении территории была также монетарная политика. За полтора года оккупационным властям СССР и нацистской Германии удалось полностью уничтожить стабильную монетарную систему и сбалансированный рынок. В начале июня 1940 года, накануне советской оккупации, в Латвии фактически без каких-либо ограничений можно было приобретать продукты питания и промышленные товары, а осенью 1941 года находящиеся в обращении деньги лишились покрытия и по установленным государством ценам товары в свободной торговле без ограничений приобрести стало уже невозможно. За короткое время стоимость денег уменьшилась почти в десять раз. Такую ситуацию вызвала целенаправленная политика оккупационной власти — навязать на оккупированной территории свою валюту, девальвируя стоимость находившихся ранее в обращении денег до неадекватно низкого уровня. Советские правительственные учреждения установили курс латвийского лата и советского рубля в соотношении 1:1, а затем по этому курсу осуществили на территории переход на советские рубли. В свою очередь, в действительности за один лат в Латвии можно было купить в 15 и более раз больше продукции, чем за рубль в СССР (см. таблицу 1).

Таблица 1

Цены на латвийских рынках и колхозных рынках города Смоленска (СССР) в июле 1940 года

Вид продукции	Цена в Латвии (в латах) ³	Цена в Смоленске ⁴ (в рублях)	Цена на рынке в СССР, в процентах от цены в Латвии
Говядина (кг)	1,15	18	1565
Молоко (литр)	0,22	3,5	1590
Масло (кг)	2,40 — 2,70	40	1568
Яйца (10 шт.)	0,9 — 1,1	14	1400
Картофель (кг)	0,07	3,50	5000

Похожей была и политика нацистской Германии, установившей после оккупации валютный курс 1 рейхсмарка — 10 советских рублей.⁵ В этом случае стоимость немецкой валюты тоже была определена несоразмерно высокой, и это дало возможность немецким военным и чиновникам покупать товары значительно дешевле, чем в Германии. В период оккупации нацистской

³ Источник — Латвийские региональные издания, а также Латвийский Государственный архив - фонд 389, опись 1, дело 248.

⁴ Российский Государственный архив новейшей истории. Фонд 5, опись 24, дело 534, лист 96.

⁵ Подробнее см. Krūmiņš, G. Il. Grām.: The Bank of Latvia XC. Rīga, 92 — 96. lpp.

https://www.bank.lv/images/stories/pielikumi/publikacijas/citaspublikacijas/Krumins_WW_II.pdf

Германии расцвел черный рынок, где на отдельные категории товаров цены были в десятки раз выше, чем установленные государством.⁶ Оккупационные власти эту ситуацию стремились регулировать, выдавая населению талоны (шейны), которые гарантировали приобретение ограниченного минимума необходимых товаров по установленным государством ценам.

Промышленности следовало в приоритетном порядке выполнять заказы военного ведомства. Уже осенью 1940 года центральная власть СССР издала распоряжение о строительстве в Латвии завода военной авиации (с кодом секретного делопроизводства № 464), который должен был начать работу летом 1941 года. Для нужд этого завода не только был мобилизован квалифицированный персонал со всей Латвии, но и реквизированы станки с крупнейших латвийских заводов (например, ВЭФ, Vairogs, Tosmare и т. д.).⁷ Другие предприятия тоже должны были выполнять заказы советской армии. Аналогичным образом, как уже упоминалось, немецкая оккупационная власть напрямую переняла предприятия Латвии — 14 важных предприятий (среди них ВЭФ, Kvadrāts, Vairogs и др.) в декабре 1941 года были причислены к предприятиям военной промышленности (*Wehrmachtsbetriebe*).⁸

С точки зрения оккупационных властей, основной задачей сельского хозяйства было получение как можно большего количества продукции и его поставка для нужд войск и других потребителей. Следует признать, что в аграрной политике подход оккупационных властей отличался. Для немецкой власти структурные изменения были второстепенными (главным было собрать определенное количество произведенной продукции), напротив, советская власть весьма скоро начала навязывать свою модель хозяйствования — коллективные хозяйства. Были предприняты многие целенаправленные шаги, чтобы за короткое время провести в сельском хозяйстве Латвии коллективизацию. Первым делом была проведена абсолютно бессмысленная с хозяйственной точки зрения аграрная реформа — части безземельных крестьян были выделены земельные участки площадью по 10 га. Одновременно в результате этого были ослаблены сильнейшие крестьянские хозяйства путем лишения их земли и рабочей силы. В незавидную ситуацию были поставлены также новые получатели земли — из хорошо оплачиваемых сельскохозяйственных работников они превратились в ставших нищими владельцев небольших земельных участков, в большинстве случаев без зданий, скота и инвентаря. Весной 1941 года советская оккупационная власть организовала коллективную

⁶ Подробнее см. Evarts E., Pavlovičs J. Ikdienas dzīve Latvijā nacistiskās Vācijas okupācijas laikā 1941 — 1945. Rīga, 2016. 152 - 175. lpp.

⁷ Подробнее см. Kģūmiņš, G. Economic and Monetary Developments in Latvia during World War II. Ģrām.: The Bank of Latvia XC. Rīga, 98. lpp.

https://www.bank.lv/images/stories/pielikumi/publikacijas/citaspublikacijas/Krumins_WW_II.pdf

⁸ Aizsilnieks, A. Latvijas saimniecības vēsture 1914 — 1945. Stokholma, 1968, 925. lpp.

обработку земель этих новохозяев, часть территорий была передана в распоряжение совхозов (принадлежащих государству коллективных хозяйств). Плановые документы Коммунистической партии свидетельствуют, что осенью 1941 года планировалось начать коллективизацию в Латгалии, а затем и на остальной территории Латвии. Этот процесс на несколько лет задержала оккупация Латвии нацистской Германией. Видя экономическую бессмысленность советской аграрной политики, немецкая оккупационная власть отменила советскую аграрную реформу и установила размеры хозяйств идентичными тем, которые были до оккупации СССР.

Обе оккупационные власти безжалостно и массово эксплуатировали жителей Латвии, отправляя их на различные общественные работы. Например, когда весной 1941 года СССР начал масштабное строительство военных объектов, в том числе нескольких аэродромов, то на принудительные работы (повинности) были назначены многие сельские жители. В июне 1941 года на строительство аэродромов было направлено от 15 до 19 тысяч конных повозок с не меньшим количеством сельскохозяйственных рабочих, игнорируя тот факт, что это был период интенсивных сельхозработ. Обустройство аэродромов прервало нападение армии нацистской Германии.

Оба государства депортировали на свои территории значительное число гражданских лиц из Латвии. СССР депортировал на свою территорию тех жителей Латвии, которых считал политически ненадежными, в свою очередь Германия организовала перемещение населения для занятости в своей экономике. СССР тоже связывал свою репрессивную политику с развитием экономики отдаленных районов, тщательно планируя размещение репрессированных в различных регионах. Высшей степенью эксплуатации населения (в том числе в смысле бесстыдства) несомненно были незаконные мобилизации в вооруженные силы СССР и нацистской Германии и вовлечение в военные действия.

Жители Латвии и вооруженные силы оккупационных армий

В соответствии с международными конвенциями мобилизация жителей оккупированных территорий или иное вовлечение их в военные действия являются незаконными. Несмотря на это, тоталитарные державы **нацистская Германия и СССР в годы Второй мировой войны мобилизовали в свои вооруженные силы более 200 тысяч граждан Латвии, примерно половина из которых погибли.**⁹

⁹ Neiburgs, U. Latviešu karavīri Vācijas un PSRS armijās: galvenās problēmas. *Konferences "Latvija Otrajā pasaules karā" rakstu krājums*. Rīga, 1999, 25. lpp. http://www.archiv.org.lv/LVA/pdf/Tezes1999_latv.pdf

Незаконность вовлечения населения оккупированных территорий в вооруженные силы уже в 1907 году была установлена IV Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны, и во время Первой мировой войны воюющие государства в целом соблюдали этот принцип конвенции. Жители Латвии были вовлечены только в вооруженные силы Российской империи, подданными которой они тогда являлись. В свою очередь Германская империя, несмотря на то, что в течение длительного времени оккупировала большую часть Латвии, местных жителей в свои вооруженные силы не рекрутировала.

Во время Второй мировой войны ситуация сложилась совершенно иная. Учитывая решения правительства К.Улманиса в 1939—1940 годах о выполнении всех требований СССР, удалось избежать столкновения армии Латвийской Республики с армией СССР. В результате СССР без борьбы получил не только Латвийское государство, но и его армию. Статус военнопленных, с учетом сдачи без боя, военнослужащим Латвийской армии не был установлен, хотя, принимая во внимание возможное сопротивление Латвийской армии, СССР в июне 1940 года подготовил несколько лагерей для размещения пленных военнослужащих из стран Балтии. Вскоре после оккупации Латвийская армия была присоединена к армии СССР в качестве 24-го территориального корпуса, однако режим СССР сознавал низкий уровень лояльности латвийских военных оккупационной власти. Поэтому личный состав был целенаправленно сокращен, прошли большие чистки и репрессии против командного состава, подвергнув репрессиям и убив большую часть офицеров и военнослужащих Латвийской армии. Только во время акции в Литене в июне 1940 года было убито на месте несколько десятков, а арестовано несколько сотен солдат и офицеров Латвийской армии, из которых почти все были уничтожены после депортации вглубь СССР. Идентично СССР действовал и в отношении вооруженных сил оккупированной Польши, уничтожив в марте 1940 года в Катыни тысячи польских офицеров. Трудно прогнозировать, какой была бы судьба оставшихся неполных трех тысяч военнослужащих бывшей Латвийской армии, если бы не началось нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года.

Германская армия быстро завоевала территорию Латвии, мобилизации или другой акции аналогичного характера советская оккупационная власть в Латвии не реализовала. Не удивительно, что значительное количество оставшихся военнослужащих 24-го территориального корпуса дезертировало прежде, чем он покинул территорию Латвии. В последующие месяцы 24-й территориальный корпус и другие военные формирования понесли тяжелый урон и были расформированы. Их остатки были присоединены к 201-й Латышской стрелковой дивизии, которую осенью 1941 года начали формировать недалеко от Москвы. В начале октября в Латвийской дивизии было 10 877

военнослужащих, их число увеличилось за счет мобилизованных на территории СССР жителей латышской национальности. Значительную часть состава дивизии по-прежнему составляли граждане Латвийской Республики, привлечение которых в армию СССР, с точки зрения международного права, несомненно должно признаваться незаконным.

Оккупировав в 1941 году территорию Латвии, немецкая оккупационная власть, вопреки надеждам части общества, принципиально отвергла любые идеи о восстановлении независимости Латвии. Столь же отрицательным было отношение к созданию латышских военных подразделений. Единственным исключением были подразделения, обеспечивавшие внутреннюю безопасность, а также печально знаменитые спецподразделения, личный состав которых под бдительным надзором немецкого командующего состава был задействован в уничтожении евреев и в других репрессивных акциях.

Отношение нацистов изменилось, когда на фронте возникли серьезные проблемы. После разгрома под Сталинградом немецкая армия потеряла несколько сотен тысяч человек, и внутренние ресурсы для восстановления этих потерь были исчерпаны. Руководствуясь прагматическими соображениями, нацисты приняли решение о вовлечении в военные действия и жителей других оккупированных стран. Чтобы обойти международные конвенции, которые, по крайней мере внешне, нацисты не хотели беззастенчиво нарушать, мобилизации жителей оккупированных стран были оформлены как запись в качестве добровольцев в подчинение войск СС, которые официально не считались входящими в состав вооруженных сил Германии.

23 января 1943 года А.Гитлер «разрешил и приказал» рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру создать «Латышский добровольческий легион СС». 23 февраля, в день, который совпадает с советским «Днем армии», Генеральный комиссар Латвии Генрих Дрекслер, в нарушение ранее упомянутой Гаагской конвенции 1907 года о юридическом статусе оккупированного государства, издал приказ управлениям труда призвать на военную службу латвийских юношей 1919-1924 года рождения.

Альтернативы были не блестящими — те, кто, не записались, оказались на шесть месяцев в концентрационном лагере, а затем все равно были отправлены в легион. Позже за уклонение от мобилизации применяли также смертную казнь. В последующий период нацисты провели еще несколько мобилизаций, пополняя свою армию все новыми жителями Латвии. Как отметил эксперт в этой области dr. hist. Улдис Нейбургс, общее количество вовлеченных в различные немецкие военные формирования граждан Латвии составляет

примерно 110 — 115 тысяч.¹⁰ Когда в Латвию на побывку прибыли побывавшие на фронте легионеры, количество уклоняющихся от мобилизации значительно увеличилось. Узнав об ужасах войны, весьма многие, не взирая на суровые наказания, как меньшее зло предпочли уклонение.

Когда в Латвию с боями вернулась советская оккупационная власть, она тоже приступила к мобилизации, до окончания войны незаконно мобилизовав в свою армию около 57 тысяч жителей Латвии. В общей сложности в армии СССР, с учетом мобилизованных в предыдущие годы войны, были вынуждены воевать почти 100 тысяч жителей Латвии.¹¹

«На фронте держались не дольше месяца»

Воевавшие в обеих армиях примерно в равной степени сталкивались с ужасами войны. Количество погибших и искалеченных на фронте было огромным. Из тех, кто оказался в эпицентре боев, удалось выжить лишь немногим. Общее число погибших в обеих армиях жителей Латвии составляет примерно 100 тысяч.

В моих руках оказалось несколько тетрадей с воспоминаниями (мемуарами) участника Второй мировой войны Кристапса Каугурса¹², в которых он в 70-х годах 20-го века среди прочего подробно описал события Второй мировой войны с точки зрения призванного в советскую армию жителя Латвии. Предлагаю несколько отрывков, отражающих трагические судьбы людей, вовлеченных в события Второй мировой войны:

Положение на фронте в то лето (1943 год — Г.К.) было довольно спокойным, но по эшелонам с ранеными (возле Курска и Белгорода велись жестокие бои) можно было судить о том, что тишина скрывается, чтобы не беспокоить народ. При внешней тишине и наша дивизия под Руссой перенесла ожесточенные бои. Сейчас это уже была 43-я

¹⁰ Veidemane, E. Vēsturnieks Neiburgs: "Latvijā karš ir beidzies". Neatkarīgā Rīta Avīze, 2013. gada 15. marts. <http://nra.lv/latvija/91038-vesturnieks-neiburgs-latvija-kars-ir-beidzies.htm>

¹¹ Neiburgs, U. Latviešu karavīri Vācijas un PSRS armijās: galvenās problēmas. *Konferences "Latvija Otrajā pasaules karā" rakstu krājums*. Rīga, 1999, 26. lpp. http://www.archiv.org.lv/LVA/pdf/Tezes1999_latv.pdf

¹² С началом войны, К. Каугурс оказался в Красной армии и вместе с ней отступил в глубь России, в 1944 году вернулся в Латвию уже в качестве командира батальона 323 латышского стрелкового полка 308 латышской стрелковой дивизии, в боях под Крустпилсом получил тяжелое ранение. Любопытный нюанс — имя К.Каугурса по-прежнему находится в списке советских репрессированных, оказавшись там из-за отсутствия сведений о нем в период немецкой оккупации. Следуя своим идеалам, К.Каугурс включился в «строительство социализма», но вскоре осознал, что слова и дела в учении коммунизма отличаются. После войны К.Каугурс занялся журналистикой, работал в газете „Сīņa”, а в 1953 году достиг наивысшей точки в карьере, став главным редактором газеты „Radomju Jaunatne”. В ходе событий 1959 года решением Бюро ЦК КПЛ от 22 сентября К.Каугурс лишился должности редактора „за допущение существенных недостатков и политических ошибок”.

гвардейская дивизия, но старых солдат в ней мало осталось. От офицеров были только штабисты, рядовые командиры до командиров батальона, включительно, как правило, держались не дольше месяца.¹³

Воспоминания К.Каугурса о ситуации в тылу, где он принимал участие в обучении новобранцев, тоже суровы:

Мужчин в деревне не было. Были только инвалиды и старики, председатель колхоза осенью просил рабочую силу. И мы потихоньку помогали. На октябрьские праздники мы были на колхозной вечеринке. Тогда я увидел, что на праздничном столе – кучки квашеной капусты, клюква и жареное в жире зерно, огурцы. Буквально без мяса. Женщины напились и плакали о «мужиках», плясали вокруг нас свои народные танцы пока не попадали. В их слезах я видел трагедию, которую принесла война. Я понял, что у нашей армии нет резерва, что это в своем роде тотальная мобилизация и бросание на фронт всех резервов. Народ был полуголодным. Когда кого-то из наших раненых демобилизовали, он вернулся и сказал: «Меня хотели поставить председателем сельсовета, но я не хотел умирать от голода. Возчиком хлеба меня не пустили, поэтому лучше здесь. Хоть и плохо кормят, но буду сыт». Так каждый думал, как прожить. Рассказывали, что женщины все готовы отдаться за место в столовой, за одежду получше. В полку тоже большинство офицеров были постарше, молодые рисковали и лучше отправлялись на фронт. (..) А нам для обучения присылали мальчишек, которые еле могли нести винтовку. Даже татарский взвод укомплектовали, чего раньше никогда не делали (татар советский режим считал нелояльным народом — G.K.).¹⁴

Цель этой статьи состоит не в том, чтобы проанализировать боевой путь и подвиги людей, вовлеченных в армии обеих воюющих сторон, а также военную пропаганду обеих тоталитарных держав, при помощи которой они старались повысить лояльность своему режиму жителей Латвии. Однако я повторно акцентирую, что **«за Латвию» или за национальные интересы Латвии не воевали ни войска нацистской Германии, ни войска СССР, а значит и вовлеченные в них жители Латвии. Восстанавливать Латвийское государство не собирался ни тот, ни другой тоталитарный режим. Жители Латвии, которые незаконно были вовлечены в участие в военных действиях, были жертвами политики тоталитарных держав.** Вовлечение жителей Латвии в вооруженные силы обеих сторон следует трактовать как военное преступление.

¹³ Воспоминания Кристаса Каугурса. Манускрипт. 5. burtņica, 45. lpp.

¹⁴ Там же, 46. lpp.

Вопрос участников Второй мировой войны — это также неразрешенная идеологическая дилемма СССР и камень преткновения для зарубежных латышей

Тема воевавших на германской стороне жителей Латвии в послевоенный период советской оккупации была табу. Советский режим так и не нашел объяснения, как с позиций своей идеологии дать оценку участию более 100 тысяч жителей Латвии в вооруженных силах Германии. Фактически советский режим оказался в идеологическом тупике. Признав незаконность этой мобилизации, никакие штрафные санкции применять было бы невозможно, что означало бы необходимость реабилитировать всех осужденных в послевоенный период легионеров, а также тех, кто был репрессирован, потому что член его семьи воевал на стороне Германии. В свою очередь, признав интерпретацию нацистов, что легионеры записались воевать “добровольно”, пришлось бы искать ответ на вопрос, почему более 100 тысяч жителей Латвии (фактически все представители мужского пола соответствующего возраста) стали «предателями» и записались на службу в войска противника. Ведь в Латвии только что произошла «социалистическая революция» и народ с большим единодушием поддержал присоединение к СССР. Советский режим предпочел вообще не говорить на эту тему и ставил весь акцент на тех, кто воевал на стороне СССР. Им был предоставлен статус ветерана войны, различные вытекающие из этого статуса привилегии, награды, честь и слава. Именами «освободителей» Латвии называли школы, улицы и площади. Это, несомненно, была версия «победителей».

Однако параллельно с этой версией в обществе живущих на Западе латышей начала закрепляться другая интерпретация событий.¹⁵ Ее основная идея не всегда высказывалась напрямую, однако косвенно об этом давался намек: легионеры боролись за Латвию, были большими героями, чем те, кто сражался на другой стороне, и вообще – воевать на германской стороне было меньшим злом. Появление этой версии можно также объяснить тем, что воевавших на советской стороне на западе не было, зато в западной оккупационной зоне удалось интернировать многим тысячам воевавшим на немецкой стороне жителям Латвии. В них также не утихли ненависть и горечь за утрату своей родины, где укрепился советский режим. Бывшие легионеры подыскивали для своего геройства в боях объяснение — ими руководило не только стремление выжить, но и нечто более важное — борьба против большевиков. Так же, как и

¹⁵ Zelče, V. Latviešu leģiona piemiņas dienas ģenēze un leģionāru komemorācijas tradīcija Rietumu latviešu kopienā. Grām.: Muižnieks, Nils, Zelče, Vita. *Karojošā piemiņa: 16. marts un 9. maijs*. Rīga: Zinātne. 2011. 103. — 104. lpp.

в советской версии, здесь тоже обычно не упоминались жители Латвии, воевавшие на другой стороне.

Вторая мировая война и современный контекст

Неудивительно, что после восстановления независимости Латвии в публичном пространстве столкнулись обе описанные в предыдущем разделе интерпретации событий Второй мировой войны. Возникали конфликтные ситуации на различных уровнях, начиная с исторических дискуссий и заканчивая сведением политических счетов. Обоснованное стремление чтить память и тех ветеранов войны, которые десятки лет оставались в забвении в период советской оккупации, столкнулось с возмущением тех, кто привык к существовавшему на протяжении прошлых десятилетий порядку вещей.

В идеальном случае вместе с восстановлением независимости общественности в обозримый период следовало бы договориться о новой оценке событий Второй мировой войны с позиций Латвийской Республики. Следовало бы создавать парадигму о **двух врагах Латвийской Республики — нацистской Германии и СССР. Оба этих режима действовали на территории Латвии сходным образом, неся Латвии и ее жителям разрушения и страдания.** Однако такого соглашения, к сожалению, не произошло.

В той части общества, которая в основном живет в информативном и ценностном пространстве Латвийской Республики, парадигма двух зол понятна и воспринимаема. Напротив, тем, кто сейчас находится в информационном пространстве, контролируемом средствами массовой информации современной Российской Федерации, такое объяснение принять трудно. В России однозначно доминирует парадигма одного врага, где злом является только нацистская Германия. В свою очередь, в позиции героев войны со времен СССР ничего не изменилось — победителем является армия СССР и те, кто в ней воевал. Поэтому не удивительно, что другие интерпретации большая часть этого общества воспринимает, если не с ненавистью, то с недоумением.

Это происходит как вследствие различной исторической памяти, так и в результате современной кремлевской пропаганды. Один из способов, которым она пытается раскалывать общество Латвии, является распространение ложной информации о зверствах и военных преступлениях воевавших на немецкой стороне жителей Латвии. Это делается, игнорируя исторические факты и то, что ни в одном международном судопроизводстве, где были рассмотрены совершенные во время Второй мировой войны преступления, в том числе на Нюрнбергском процессе, никаких обвинений латышским legionерам не предъявлялось.

Заключение и выводы

Разъяснение событий Второй мировой войны является сложным, однако теперь прошло достаточно времени для того, чтобы события советской и немецкой оккупации мы начали рассматривать в комплексе, как единое причиненное Латвийской Республике и ее жителям зло. Исследователи истории должны создавать работы, которые бы одновременно характеризовали как советскую, так и немецкую оккупацию, и просвещать общественность с помощью примеров, характеризующих оба оккупационных режима.

Поиск «меньшего зла» или «освободителей» это тупик, это путь к дальнейшему расколу общества и ослаблению национальной идентичности — и то, и это было злом, и не было ни одного освободителя. Латвийским политикам, желающим почтить память жителей Латвии, воевавших во Второй мировой войне, корректнее всего будет поминать как тех, кто воевал в армии нацистской Германии, так и тех, кто воевал в армии СССР. Также нельзя забывать и тех, кто выбрал третий путь, кто предпочел не воевать ни в одной армии, ни в другой.